

Глава XIX

Первой остановкой в туре был Барре, штат Вермонт. Местная активная группа состояла из итальянцев, большинство из них работали на добыче камня, что составляло главную отрасль промышленности в городе. Для самоанализа и мыслей о личной жизни у меня оставалось очень мало времени; проходили бесчисленные митинги, дебаты, частные собрания, дискуссии. Меня приятно удивил своим гостеприимством Палавичини, товарищ, который работал вместе со мной во время забастовки текстильщиков в Саммите. Это был очень культурный человек, хорошо разбирающийся не только в международном рабочем движении, но и в новых тенденциях итальянского искусства и литературы. В это же время я познакомилась с Луиджи Галлеани, интеллектуальным лидером итальянских анархистов в штатах Новой Англии.

На Вермонт распространялся сухой закон, и мне было интересно узнать о его последствиях. В сопровождении своего хозяина я посетила несколько частных домов. К моему удивлению, оказалось, что почти все они превратились в пивные. В одном месте мы наткнулись на десяток мужчин, которые очевидно находились в состоянии алкогольного опьянения. По словам моего спутника, большинство из них являлись городскими чиновниками. Душная кухня, в которой дети хозяйской семьи вдыхали зловонный запах виски и табака, превратилась в алкопритон. Многие подобные заведения процветали под прикрытием полиции, которой регулярно отдавалась часть выручки. «Это не худшая сторона сухого закона, — отметил мой товарищ. — Самое ужасное — это разрушение традиции гостеприимства и хороших отношений. Раньше ты мог угостить посетителей или сам получить выпивку бесплатно. Теперь, когда большинство людей стали владельцами пивных, твои друзья ожидают, что ты купишь спиртное, или хотят купить его у тебя».

Другим следствием сухого закона был рост проституции. Мы прошли по нескольким домам на окраине города, и везде процветал этот бизнес. Большинство «гостей» были странствующие моряки, также встречались немногочисленные фермеры. К закрытию пивных бордель становился единственным местом, где мужчины, которые приезжали в город, могли развлечься.

После двух недель активной деятельности в Барре полиция внезапно решила помешать моему последнему митингу. Официальной причиной стало то, что лекция была на тему войны. Если верить властям, я сказала: «Да благословит Господь руку, что взорвала Мэн100». Конечно же, было просто смешно приписывать мне такие выражения. Неофициальная причина была более правдоподобной. «Ты застала мэра и начальника полиции на кухне миссис Коллетти пьяными в стельку, — объяснил мой итальянский друг, — и узнала об их доле в борделях. Неудивительно, что они теперь считают тебя опасной и хотят от тебя избавиться».

Доехав до Чикаго, я заставила считаться со своими усилиями. Как и во время прошлого тура, меня пригласили выступить многие рабочие организации, включая консервативный Союз деревообработчиков, который никогда раньше не пускал анархистов через свои священные врата. Несколько лекций для меня организовали и американские анархисты. Это была изматывающая работа, и я, возможно, не смогла бы пройти через всё это, если бы не поддержка и подбадривание со стороны Макса Багинского.

Как и в прошлые приезды, я снова остановилась у Аппелей. В то же время мы с Максом сняли небольшую комнату около Линкольн-парка — «Zauberschloss» (заколдованный замок), как его окрестил Макс, — куда мы сбегали в свободное время. Там мы часто наслаждались фруктами, вином и прочими деликатесами, которые корзинами приносил щедрый и великодушный Макс. Потом мы читали „Romeo und Julia auf dem Dorfe“ Готфрида Келлера и работы наших любимчиков: Стринберга, Ведекинда, Габриэлу Ройтер, Кнута Гамсуна и, лучшего из лучших, Ницше. Макс знал и понимал Ницше и очень его любил. Только благодаря его замечательным отзывам я смогла осознать всю значимость великого поэта-философа. После чтения мы долго гуляли по парку и говорили о выдающихся людях в немецком движении, об искусстве и литературе. Месяц в Чикаго был наполнен интересной работой, прекрасными товарищескими отношениями с новыми друзьями и часами счастья и гармонии с Максом.

Всемирная выставка в Париже, запланированная на 1900 год, натолкнула наших европейских товарищей на идею проведения анархистского съезда в это же время. Цены на билеты должны были снизиться, поэтому многие смогли бы приехать из разных стран. Я получила приглашение, поговорила об этом с Максом и пригласила его поехать со мной. Поездка в Европу вдвоём — сама мысль об этом наполнила нас безграничным восторгом. Мой тур должен был продлиться до августа; затем мы исполним наш новый план. Мы можем сначала поехать в Англию; я была уверена, что местные товарищи захотят, чтобы я выступила с лекциями. Потом в Париж. «Только подумай, дорогой, — Париж!» «Прекрасно, чудесно! — воскликнул он. — Но билеты, ты подумала о них, моя романтическая Эмма?» «Это неважно. Я ограблю церковь или синагогу — я как-нибудь раздобуду деньги! Мы должны поехать в любом случае. Мы должны поехать на поиски Луны!» «Два ребёнка в лесу, — заметил Макс, — два здравых романтика в безумном мире!»

По дороге в Денвер я заехала в Кэплингер Миллс, сельскохозяйственный регион в юго-западном Миссури. Мой единственный контакт с жизнью фермеров в Соединённых Штатах произошёл много лет назад, когда я предлагала фермерам Массачусетса заказать увеличенные фотографии их великих предков. Мне они показались такими скучными, настолько погрязшими в старых нормах поведения, что я даже не попыталась рассказать им о своих политических взглядах. Я была уверена, что они подумали бы, что мной овладел дьявол. Поэтому меня очень удивило приглашение провести лекцию в Кэплингер Миллс. Написавшей мне и организовавшей митинг, была Кейт Остин, чьи статьи я читала в Free Society и других радикальных изданиях. Её работы доказывали, что она мыслит последовательно, хорошо информирована и ей присущ революционный дух, тогда как её письма показывали, что она — страстная и чувственная натура.

-Кейт Остин

На вокзале меня встретил Сэм Остин, муж Кейт, который сообщил, что Кэплингер Миллс находится в двадцати двух милях от железной дороги. «Дороги очень плохие, — сказал он. — Боюсь, мне придётся привязать тебя к сиденью телеги, иначе ты выпадешь». Вскоре я поняла, что он не преувеличивал. Мы едва проехали половину пути, как вдруг ощутили жёсткий толчок и треск колёс. Телега съехала в канаву; попытавшись выбраться, я почувствовала боль во всём теле. Сэм вытащил меня из телеги и посадил у обочины. Пока я ждала, растирая свои ноющие суставы, то старалась улыбаться и подбодрять Сэма.

Сэм пытался поправить сломанное колесо, а мои мысли унесли меня обратно в Попеляны, где устраивались долгие катания в больших санях, запряжённых огненной тройкой. Кровь бурлила от ощущения таинства ночи, от звёздного неба над головой, белоснежных далей, мелодии весёлых колокольчиков и крестьянских песен Петрушки, сидящего рядом со мной. Из-за боязни волков, чей вой слышался на расстоянии, эти выезды были ещё более авантурными и романтичными. По возвращении домой нас ожидал праздник с горячими картофельными блинами, обжаренными в изумительном гусином жире, горячим чаем с маминым вареньем и водкой для слуг. Петрушка всегда давал мне немножко глотнуть из своего стакана. «Да ты пьяница», — дразнил он меня. И действительно, именно такой я прослыла, когда меня нашли в беспамятстве в подвале около пивной бочки. Отец никогда не разрешал нам пробовать алкоголь, но однажды — мне тогда было где-то три года — я пробралась в подвал, приложила губы к кранику и напилась оттуда субстанции странного вкуса. Я очнулась в постели смертельно больная и, несомненно, получила бы большую трёпку, если бы наша дорогая старая няня не спрятала меня от отца...

Наконец мы приехали в Кэплингер Миллс на ферму Остинов. «Положи её в постель прямо сейчас и дай горячего, — приказал Сэм, — иначе она будет ненавидеть нас до конца жизни за то, что мы заставили её изменить маршрут, чтобы сюда заехать». После горячей ванны и хорошего массажа я чувствовала себя довольно свежей, хотя боль ещё чувствовалась в каждом суставе.

Неделя с Остинами показала мне неизвестные ранее стороны жизни мелкого американского фермера. Я поняла, что мы были неправы, считая, что фермеры в Штатах принадлежат к буржуазии. Кейт сказала, что это справедливо только в отношении очень богатых землевладельцев, которые выращивали всё в больших количествах; в массе своей фермеры в Америке были даже более зависимыми людьми, чем городские рабочие. Они зависели от милости банкиров и железной дороги, не говоря уже о природных врагах — ураганах и засухах. Чтобы побороть последних и накормить кровопийц, которые высасывали силы из фермера, ему приходилось невероятно много трудиться в любую погоду и жить почти на грани нищеты. Кейт считала, что именно эта невыносимая работа делает его суровым и скупым. Особенно возмущалась она по поводу монотонной жизни жены фермера. «Этим женщинам не остаётся ничего, кроме хозяйственных забот, работы на износ и бесконечного рождения детей».

Кейт приехала в Кэплингер только после свадьбы. До этого она жила в маленьких городах и деревнях. Её мать умерла, когда Кейт было всего одиннадцать, и ей пришлось заниматься восьмью братьями и сёстрами, поэтому времени на учёбу не оставалось. Я удивилась, как ей удалось получить столько знаний — ум Кейт находил отражение в её статьях. «Я читала», — ответила она. Её отец был постоянным читателем работ Ингерсолла, а позже Lucifer и других радикальных газет. События в Чикаго в 1887 году оказали на неё, как и на меня, огромное влияние. С тех пор она внимательно следила за социальной борьбой и изучала всё, что могла добыть. Список прочитанного, судя по книгам, которые я нашла в доме Остинов, был очень длинный. Работы по философии, по социальным и экономическим вопросам и по проблеме полов стояли рядом с лучшими произведениями поэзии и художественной литературы. Они заменили ей школу. Она очень много знала и обладала чрезвычайным энтузиазмом и жаждой деятельности для женщины, которая едва ли контактировала с внешним миром.

«Как женщина с твоими мозгами может продолжать жить в таком скучном и ограниченном пространстве?» — спросила я.

«Ну, здесь Сэм, — ответила она, — который делит со мной всё и которого я люблю, и дети. Ещё мои соседи, которым я нужна. Можно делать многое даже здесь».

Посещаемость трёх моих лекций доказывала уровень влияния Кейт. Фермеры приехали за несколько миль на телегах, верхом на лошадях и даже пришли пешком. Две лекции я прочитала в маленькой деревенской школе, третью — в большом саду. Это было самое колоритное собрание; лица моих слушателей подсвечивались фонарями, которые они привезли с собой. По вопросам, которые задавали некоторые мужчины, в основном касающимся права на землю при анархии, я видела, что по крайней мере некоторые из них приехали не просто из любопытства и что Кейт пробудила в них осознание того, что их собственные трудности были частью более масштабных проблем общества.

Вся семья Остинов посвятила себя мне на время моего пребывания. Сэм взял меня на конную прогулку в поле, выделив мне спокойную старую кобылу. Дети выполняли мои желания ещё до того, как я успевала о них заговорить, а Кейт проявляла симпатию и заботу. Мы проводили довольно много времени наедине, что дало ей возможность рассказать о себе

и своём окружении. Самым большим противоречием в глазах её соседей была её позиция по вопросу отношений полов. «Что ты будешь делать, если твой муж влюбится в другую женщину? — спросила однажды жена одного фермера. — Разве ты его не бросишь?» «Нет, если он всё ещё будет любить меня», — не задумываясь, ответила Кейт. «Ты не возненавидишь эту женщину?» «Нет, если она тоже будет хорошим человеком и полюбит Сэма». Её соседка сказала, что если бы она так хорошо не знала Кейт, то посчитала бы её безнравственной или сумасшедшей; но в любом случае она была уверена, что Кейт не смогла бы в такой ситуации продолжать любить своего мужа и никогда не позволила бы делить его с кем-то другим. «Самое смешное, — добавила Кейт, — что муж этой соседки бегаёт за каждой юбкой, а она об этом не знает. Ты не можешь себе представить, какие сексуальные страсти разгораются среди этих фермеров. Но это главным образом результат их мрачного существования, — поспешила добавить она. — Никаких вариантов, никаких развлечений, никаких красок в их жизни. В городе всё по-другому: даже беднейший человек может иногда пойти на концерт или лекцию, или найти интересное занятие в своём профсоюзе. У фермера нет ничего, кроме длинной и напряжённой работы летом и пустых дней зимой. Секс — всё, что у них есть. Как эти люди могут понять секс в его лучших проявлениях или любовь, которая не продаётся и не привязывает? Это борьба с ветряными мельницами, но мы должны продолжать её», — заключила моя дорогая соратница.

Время пролетело незаметно. Вскоре мне нужно было ехать, чтобы не нарушить свои планы на западе. Сэм предложил отвезти меня на вокзал по короткой дороге длиной «всего четырнадцать миль». Кейт со всей семьёй сопровождали нас.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 17 апреля 2025 03:53:21

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 17 апреля 2025 03:53:49